

Когда Е Чанлин, отказавшись от брака по императорскому указу, обнаружил, что в его дворике почти никого не осталось, он был в полном недоумении.

У почтительного отца была всего одна жена и одна наложница, весь дом Е, включая покойную госпожу Е из клана Ян и наложницу Хуа, насчитывал лишь шесть хозяев. Неужели из-за этого нужно было бороться жарче, чем в сериалах о дворцовых интригах?

Е Чанлин не понимал.

— Чэнь Сы, где ты был вчера? — нахмурившись, спросил Е Чанлин.

В прошлый раз Чэнь Сы справился с делом неплохо, поэтому на этот раз, вернувшись, Е Чанлин походя сделал его своим доверенным лицом, позволив входить во внутренние покои.

— Почему не пришёл встретить меня, молодого господина? — из-за этого ему пришлось возвращаться в экипаже Чу Чэньяо, но, к счастью, он был сообразителен и всё время притворялся страусом, а то вдруг очки «сладкой любви» снова прибавятся.

— В ответ молодому господину, ваш слуга... ваш слуга видел, как вы с пятым князем оживлённо беседовали... — опустив голову, тихо объяснил Чэнь Сы. Клянусь небом и землёй, как он смел не ждать Е Чанлина? Но он и не смел мешать Е Чанлину общаться с Чу Чэньяо.

К тому же, это был князь Инцзян!

— Катись. — Услышав, как Чэнь Сы запинается, Е Чанлин мгновенно понял, что тот замышляет, и, с одной стороны, мысленно повторяя себе, что он цивилизованный человек и не может бить людей, бросил это слово, после чего вышел за дверь.

Услышав от Е Чанлина это «катись», Чэнь Сы тут же успокоился. Полгода общения было достаточно, чтобы понять, что господин таким образом закрывает вопрос. Он с облегчением вздохнул и вышел за дверь — во внутренних покоях таким, как он, находиться не полагалось, лучше пойти подождать снаружи.

Когда он пошёл навестить старую госпожу, почтительный отец и обе наложницы тоже были там. Почтительный отец в последние дни сильно поправился, и именно поэтому старая госпожа распорядилась выпустить наложницу Хуа из молельни.

Наложница Хуа, натворившая на этот раз таких дел, уже выплакала все глаза, но двое главных в доме Е не обращали на неё внимания, и она могла лишь в одиночестве проливать слёзы, жалобно поглядывая на старую госпожу и почтительного отца Е Чанлина, Е Чэнцзу.

В то же время полностью отстранённый Е Чаньюй стоял в стороне с мрачным лицом.

Наложница Хуа на этот раз действительно испугалась.

Запертая в молельне, прислуга от неё отворачивалась, даже старая госпожа не желала её видеть — поистине взываешь к небу, небо не откликается, взываешь к земле, земля не отзывается. Несколько дней она провела в тревоге, пока не услышала, что её сын всё это время хлопотал за неё и даже разгневал Е Чэнцзу. Только тогда она запаниковала и поспешила найти способ умолить старую госпожу.

Е Чэнцзу изначально ещё таил обиду на наложницу Хуа, но за эти дни, по мере заживления ран, его гнев поутих, плюс старая госпожа сбоку уговаривала, и он ничего не сказал.

— Е-лан, прости сестрицу за её промах, сестрица тоже из-за сильной любви к Е-лан поспешила, — увидев это, наложница Юй тоже стала уговаривать сбоку.

Услышав это, наложница Хуа чуть не разорвала в руках платок — на её слух, слова наложницы Юй были чистейшим лицемерием, притворной жалостью кошки к мышке.

Разумеется, так оно и было.

Е Чэнцзу тоже смягчился — в конце концов, это была женщина, которую он любил столько лет.

— Если Е-лан не помнит столько лет чувств с сестрицей, то хотя бы взгляни на лицо старшего молодого господина, — увидев, что Е Чэнцзу смягчился, наложница Юй всё поняла, и тут же Е Чэнцзу наконец нехотя буркнул в знак того, что вопрос исчерпан.

Мгновенно все стали называть друг друга сестрицами, словно одна семья.

— Ладно, Хуа-нян, запомни этот урок и хорошо служи своему господину, — отчитала старая госпожа, но её взгляд скользнул по наложнице Юй.

Старая госпожа, конечно, презирала Юй Инъэр. Стоило лишь подумать о связи этой женщины с госпожой Е из клана Ян, как в сердце поднималось отвращение. Но сын вырос, и матери уже не указ, и ей пришлось выпустить наложницу Хуа.

Всё-таки это была её родная племянница.

Именно в этот момент всеобщей гармонии, когда Е Чанлин, позёвывая, планировал попросить разрешения вернуться в поместье для продолжения траура, прибыл императорский указ.

Всего было два указа и один указ вдовствующей императрицы.

Е Чэнцзу был жестоко раскритикован императором за плохое управление домом, старая госпожа оказалась в ещё более плачевном положении — её отчитали и вдовствующая императрица, и императрица, а последний указ дал Е Чанлину официальную должность.

Командир сотни правого крыла стражей «Чжицзинь».

Седьмой ранг военного чиновника.

— Господин Е, примите указ, — на этот раз указ передавал малый хуанмэнь [младший евнух] из Приказа церемоний, специально отвечающий за такие дела. Он высокомерно покосился на Е Чэнцзу и старую госпожу, которых отчитали так, что они едва стояли, и официальным тоном сказал Е Чанлину.

— Благодарю господина евнуха. — Е Чанлин, запоздало сообразив, встал и в некотором недоумении взял указ.

— Может, господин евнух, присядете немного? — Е Чанлин потянулся за своим кошельком, нашёл серебряный слиток и незаметно передал ему.

— Благодарю за доброту господина Е, но ваш слуга должен вернуться с докладом. — Получив серебряный слиток, средних лет евнух обрадовался. В конце концов, передача указов — дело неблагодарное, большинство получателей — чистые конфуцианские учёные, и если они не ткнут пальцем и не обругают их, евнухов, это уже хорошо, откуда уж там ждать выгоды. Средних лет евнух в хорошем настроении даже любезно напомнил:

— Господин Е, не забудьте отблагодарить императора за милость.

— Благодарю господина евнуха за напоминание. — Неужели ещё нужно ехать во дворец? Он бы и не против, но как туда попасть?

Группа, передававшая указ, пришла стремительно и ушла стремительно. Лишь спустя долгое время после того, как люди из Приказа церемоний удалились, Е Чэнцзу наконец, дрожа, поднялся.

Наложницы Хуа и Юй поспешили его поддержать, как вдруг Е Чэнцзу взмахнул правой рукой и шлёпнул наложницу Хуа, сбив её на землю.

— Ядовитая женщина! — Е Чэнцзу развернулся и ушёл.

— Что стоите, отведите наложницу Хуа обратно отдохнуть. — Среди оцепеневших людей раздался голос старой госпожи.

Плохо воспитала сына, позволила ему баловать наложницу и уничтожать жену — любое из этих обвинений было словно нож, режущий её по лицу.

Наложница Хуа ещё хотела что-то сказать, но проворные мамки вовремя заткнули ей рот и, приглушённо бормоча, уволокли прочь.

Е Чанлин встретился взглядом с ослабевшей старой госпожой и, не колеблясь, сразу же попрощался. Перед уходом он бросил Е Чаньюю взгляд, полный сочувствия.

...

Восточный дворец.

Чу Чэньси играл в шахматы с Ци Вэйсином.

Играли они по-прежнему в международные шахматы.

Ци Вэйсин тоже заинтересовался этой свежей забавой.

— Е Чанлин получил должность в стражах «Чжицзинью». — Императорские указы перед обнародованием проходили множество процедур, поэтому Чу Чэньси уже знал об этом.

Ци Вэйсин промолчал. Он на мгновение не понял, зачем Чу Чэньси вынес на обсуждение такую мелочь.

— Почему Е Чанлин только встретился с этим дворцом, а на следующий день был вызван к отцу-императору и даже весьма им полюбился? — это Чу Чэньси тоже пришло в голову лишь сегодня утром при виде фигурок военных шахмат и международных шахмат. Правила этих двух игр детализированы, продуманы до мелочей, даже полностью соответствуют вкусам его и Чу Чэнься. Если бы не подготовка заранее, как можно было изготовить их в мгновение ока?

— Ваше Высочество, вы слишком много думаете. — Ци Вэйсин на мгновение онемел, даже подумал, не сошёл ли Чу Чэньси с ума — как такое можно связать с намеренным расчётом Е Чанлина.

— Отец-император и бабушка-императрица уже издали указы с выговором графу Чаншунь и госпоже Е, урождённой Хуа. — Услышав, что Ци Вэйсин не верит, Чу Чэньси не стал торопиться с оправданиями, а просто выложил факт.

— Ваше Высочество, известно, что в мире много совпадений. — Ци Вэйсин всё ещё не верил. Если даже это было просчитано Е Чанлином, то Е Чанлин был слишком ужасающим.

— Посмотрим. — Так сказал Чу Чэньси. Он не верил, что на этом расчёт Е Чанлина остановится.

— Если Ваше Высочество действительно сомневаетесь, то возьмите его на эту осеннюю охоту.
— Чтобы тайно понаблюдать и поскорее разоблачить, а то Чу Чэньси вечно подозревает то одно, то другое.

— Что? Вэйсин хочет с этим двором поспорить? — Порыв ветра сдул с доски одну фигурку. Увидев это, прислуживавший маленький евнух тут же наклонился, поднял её и подобострастно поднёс.

— Если у Вашего Высочества есть такое желание, ваш слуга, конечно, составит компанию.

Услышав это, Чу Чэньси неожиданно рассмеялся. Он взял из рук маленького евнуха бумажную фигурку. Конечно, это был не тот набор фигур, что Е Чанлин нарисовал вчера — почерк был слишком уж некрасивым. Этот набор нарисовал Чу Чэньси.

Ци Вэйсин, естественно, тоже считал эту шахматную игру забавой, которую придумал Чу Чэньси, и Чу Чэньси не стал объяснять.

Фигурка вернулась на прежнее место. Чу Чэньси, потирая указательный палец, слегка опустил веки.

Он всегда ненавидел самоуверенных и болтливых людей.

Как того маленького евнуха, которого уже убрали.

...

Наложницу Хуа заперли в её собственной комнате.

В отличие от прошлого раза, когда старая госпожа заперла наложницу Хуа в молельне, что было защитой, на этот раз прислуга не была столь любезна.

Все знали, что в доме Е наступили совершенно иные времена.

Второй молодой господин, нет, молодой господин Е Чанлин получил должность, получил официальную службу.

Значит, наследник определён окончательно.

Когда наложницу Хуа заперли в комнате, она тоже это поняла.

У её сына Е Чанъюя не было больше шансов.

<http://bllate.org/book/15199/1341709>